

№ 171

Двадцать четвертый годъ

№ 171

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Основана С. Х. Асфендовымъ.

Памяти А. П. Чехова.

ПОСЛЪ ЧЕХОВА.

Нѣтъ, кажется, болѣе трогательныхъ литературныхъ поминокъ въ Россіи, какъ поминки по Чехову.

Сколько было писателей въ странѣ и писателей очень извѣстныхъ и болѣе властныхъ въ смыслѣ духовнаго воздѣйствія на поколѣнія, писателей-гигантовъ, чья дѣятельность еще будетъ долго сіять въ предстоящихъ вѣкахъ. Вспомните только Льва Толстого, многограннаго, дерзновеннаго и смиреннаго, чернаго и символическаго. Это — вѣра. Монбланъ. И все же той трогательности, повстинѣ изумительной, которую мы питаемъ къ Чехову. Бѣтъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Толстому. Ибо Чеховъ какъ бы вселенная молитва или тихая комната, потруженная въ сумерки, а Толстой — монументально возвышенный храмъ, для котораго нужны солнце и торжествующіе побѣды братства и любви народные гимны.

Кромѣ того, вотъ эта столь настоятельно и нѣжно проявляемая нами въ продолженіе 10 лѣтъ со дня смерти Чехова любовь къ нему имѣетъ, вѣроятно, своимъ источникомъ и то обстоятельство, что всѣ эти 10 лѣтъ не пришелъ никто на смѣну.

Приходили и приходятъ многіе и даже столько новыхъ явилось, что литература стала прямо, какъ перестрый коверъ. Это могло бы радовать, глядя, какъ плодотворный и разнообразный посылъ, если бы коверъ не былъ той вышивкой или афилей, за которой таится скудное, непродуктивное Небомъ и вдохновеніемъ ума и сердца содержаніе.

ративныхъ сторонъ этого парада. Д. С. Мережковский какъ то мѣтко сказалъ объ Андреевѣ, что нашъ писатель находится какъ бы въ обезьяньихъ лапахъ.

За всякаго и даже не такого крупнаго писателя, какъ Леонидъ Андреевъ, намъ все же должно быть досадно, когда онъ попадаетъ въ такіе лапы. Но власть писателя велика и обширна. И развѣ не бываетъ такъ, развѣ не можетъ случиться, что мы, толпа, можемъ тоже попасть въ лапы какого-нибудь писателя, который имѣетъ только то достоинство, что талантливо насъ держитъ въ лапахъ? Возвращаясь отъ абстрактнаго понятія о такомъ писателѣ, перейду къ Л. Андрееву. Признаться, мнѣ много разъ приходилось поддаваться его писательскимъ чарамъ и если вамъ, господа, угодно было бы эти чары называть: «лапами таланта», то вотъ онъ передъ вами совершаетъ свой гипнотизерскій парадъ.

Въ каждомъ парадѣ есть что то и даже много отъ гипнотизерства. Литературные парады не исключены отъ этого свойства.

Никакъ не могу припомнить, въ какихъ парадныхъ литературныхъ мантіяхъ шествовалъ Достоевскій, также какъ никакъ не могу припомнить горделивой мантіи и пышнаго шлейфа у Салтыкова-Щедрина.

Пожалуй, потому, что тамъ ихъ не было. Какъ вы думаете?

Наша литература точно въ возмездіе за то, что Чеховъ повергъ насъ въ такую близкую и интимную

бою аристократическаго Попрыщива, — это не страшно. Потому что на это не нужны постоянныя слезы и огонь горячей души.

А страшно и обязываетъ, и накладываетъ вѣнокъ изъ терній только одно:

Писательская искренность.
Сердце писателя, брошенное людьми!

За 10 лѣтъ, протекшихъ со дня кончины Чехова, писатели намъ показываютъ свое сердце писателя. Сдѣланное изъ оберточной бумаги, въ которую воткнуть буцафорскій ножъ и изъ котораго течетъ буцафорская клюквенная кровь.

Это не страшно.

Это не хорошо, но это не страшно.

ЛОЗНГРИНЪ.

Мы выжили сейчас очень много писателей и это было бы несомненно для нас утешением, если бы эти писатели не были бы всё так от литературы, как они есть и были бы больше от своего непосредственного и яркого таланта, своей сущности, индивидуальности, творчества, своего «я», разрушится слава, свое слово подобно тому, как птица рвется снять свою перину, непродуктивную ей жизнь, и с самолета.

В течение 10 лет, протекших со дня Чехова мы не только не обогатились литературой, но прямо-таки хотим ее в рядком изобилии, притом еще из изобилии стилей. Мы живем среди литературных фейерверков, но это далеко не то «стиль», о которых нам, напр., говорит В. Короленко.

Литература уже 10 лет проявляет себя все только по пышности. И вот, может быть, почему. Мы находим и любознательные читатели, мы ищущие отбросов на наши саросы и сматывая дура и ума, рассматривая с несомненным интересом этот род пышных фейерверков не находим в нем того, что находим в нескольких строках Чехова и что нам, само-собой, дороже во много раз фейерверочного писательского дождя. Вот такая история. Мы не настолько глупы, чтобы ожидать, что уже через 10 лет мы увидим много в алмазах, но мы всё ещё не на столько глупы, чтобы повторять тому же Фоме, которое нам сейчас подносится.

В течение 10 лет присутствуем на литературных парадах, от которых он знает свой отдых, жёсткий, грустный и сердечный только в те дни, когда бывают чеховские поминки.

Я не буду говорить о том, сколько изменить и повесить великодушных парадов устраивает нам ежегодно Леонид Андреев. Он живет не обильно, работает на нашу ссуду, но для это внимания, обращенное к нам, мы тем не менее должны сознаться, что иногда устаем от ослепительного деко-

искренность или, может быть, потому, что он бросил эту искренность нам всеми с такой исчерпывающей полнотой, что ее, все, по-сильнейшей литературы, ничего не осталось в этой области, — начал давать нам всё стонать и всё тем со всеобщим алкидом, готовящего какое угодно злое, но только не настоящее.

За Леонидом Андреевым, давали парадные выходы (главный, конечно, инициатор самостоятельный), многие, многие, известные.

Нам бы хотелось устроить парадный и дождь шумящий пикет в. Архиповых в «Салит». Не утерять в. Камешкин и выдуть нам парадную Леду.

Большой парад холодного ума и литературной пышности нам бы хотелось Д. С. Меражковским. Нам дали модернистскую Грецию и Флоренцию, но тучно сквозь стали модные пышность мы прочесть настоящий живой творческий дух Леонардо.

Нам каждый почти день стали восстают новые литературные глаголы, но не сокрытые внутренними огнями сердца, они вылились собою шумом, ослепительно разрывающимся в воздухе и потаскивая.

Нам подарил футуристам и заставляли встать новые ценности именно здесь.

И, в конце концов, нам признать, что мы утомлены от всего этого, столь шумно-бесплодного и эфемерно-красивого.

Утомлены, потому что не было и не будет настоящего искренности, от которой все это было бы скучно.

Вот это искренности производили литературную манеру.

И один, один только есть писатель, — это Куриный, которому открыты двери наших сердец, который это знает, чувствует и может войти, и может и приостановиться.

Но — это пошля.

Искренность — все. Только она одна завоевала мир. Но это и пошла. Это странно. Фейерверки, ракеты, бенгальские огни, раздутая пышность, золотое алкимово, самовлюбленное я, провозглашающее само собой и представляющее со-

Въ Чеховскомъ имѣніи.

Домъ въ Мелиховѣ, въ которомъ А. П. Чеховымъ были написаны "Чайка".